

А. Н. Симончик

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

ИССЛЕДОВАНИЯ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА О РАЗВИТИИ ТЕАТРА И МУЗЫКИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Введение. В досоветский период исследования о развитии театра и музыки Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX в. проводились дворянско-клерикальными и буржуазными польскими, российскими, белорусскими и украинскими учёными в работах по истории Беларуси, литературоведению и этнографии Беларуси.

Основная часть. Самое раннее упоминание о театрализованных действиях среди белорусских крепостных крестьян содержится в работе деятеля польской культуры, изучавшего быт и мифологию белорусов, М. Чарновской «Остатки славянской мифологии, сохранившиеся у белорусских поселян» (Вильно, 1817 г.). В ней исследователь подробно описывает празднование «русальной недели», которое постепенно перерастает в обряд завивания венков и вождения хороводов и тем самым приобретает определённые театрализованные действия и театрализованную постановку [1, с. 469—471].

Импровизированное театральное представление сельской свадьбы с определённым театрализованным свадебным сценарием, завязкой, кульминацией и развязкой содержится в работе А. Рыпинского «Białorus». Исследователь подробно описал на свадебном праздновании функции режиссёра, которые выполнял сват, а также театрализованный свадебный обряд в форме юмористического конфликта между родственниками «жениха» и «невесты» [2, с. 105—106].

Фольклористом Е. Ф. Карским приведены примеры народных театрализованных постановок, содержащих определённые театрализованные действия, в частности проанализировано празднование народного праздника «Купало» [3, с. 4—5], «Радовницы» [4], «Русалки» [5], «Доброхочы» [6], которые имели свой сценарий, завязку и развязку, а также дано краткое описание сцены из празднования народного праздника «дзеды» белорусами в 1849 г. [7, с. 441].

В свою очередь П. А. Бессонов даёт первое в историографии описание проведения театральных постановок «Шопки» («Szopka») в виде передвижного балаганчика или большого ящика для представлений, в которых, несмотря на серьёзное их содержание, ставились ветхозаветные сцены «Адам и Ева в раю», «Авраам», «О Страшном Суде» и т. д., мистерии или комедии [8, с. 102—103].

В дворянско-клерикальной и буржуазной историографии конца XIX в. содержатся первые упоминания и о популярности пьесы «Селянка» В. Дунина-Марцинкевича, написанной в 1846 г. на белорусские мотивы. В частности, А. Н. Пыпин и А. К. Киркор высоко оценили данную пьесу [9].

В начале XX в. о популярности и успехах двухактовой пьесы «Селянка» В. Дунина-Марцинкевича на сцене Минска в 50-х гг. XIX в. указали в своих работах исследователи Д. Дорошенко [10, с. 16], В. Ластовский [11, с. 102] и М. А. Богданович, который при этом подчеркнул, что именно благодаря постановкам этой пьесы белорусский язык начал употребляться городским населением Беларуси [12, с. 10].

Тем не менее, в отличие от выше указанных исследователей, крайне бедной охарактеризовал драматургию белорусов Н. А. Янчук. Отметив первый опыт, осуществлённый В. Дуниным-Марцинкевичем в его пьесе «Селянка», исследователь убеждён, что дальнейшего развития белорусская драма не получила «из-за отсутствия необходимости в ней, отсутствия своего театра и своих артистов» [13, с. 90].

Дворянско-клерикальными и буржуазными учёными в досоветский период также проводились исследования и о развитии музыкального искусства Беларуси изучаемого периода. Так, проанализированы белорусские народные песни в исследованиях К. Фалютинского «Народные праздники, увеселения, поверья и суеверные обряды жителей Белоруссии» («Вестник Европы», Москва, 1828 г.), А. Мухлинского «Святы, забавы, забабоны і прымхлівыя абрады простага народа ў Навагрудскім павеце Літоўска-Гродзенскай губерні» («Вестник Европы», Санкт-Петербург, 1830 г.), работах М. Родевича «Przesady Białorusinów», З. А. Доленга-Ходаковского (А. Чарноцкога), А. Рыпинского «Białorus» и Е. Тышкевича «Opisanie powiatu Borysowskiego» [14].

Первое значительное исследование традиционного белорусского песенного творчества осуществил Я. Чечот и впоследствии опубликовал в отдельных фольклорных сборниках «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny» (Wilno, 1837—1846). Данные сборники состоят из шести книг и содержат песенное наследие белорусов, проживающих в северо-восточном регионе Беларуси, при этом все белорусские песни исследователем приведены в свободном переводе на польский язык [15].

Серьёзные исследования песенного наследия Пинщины и полесского региона осуществил Р. Земкевич, которые впоследствии опубликовал в сборниках «Piesni ludu zebrine w Pinszczyźnie» (“Atheneum”, Wilno, 1847 г.) и «Piosenk igminne ludu Pińskiego» (Kowno, 1851 г.). В них исследователем параллельно приведены подлинные белорусские песенные тексты, записанные латиницей с последующим переводом на польский язык [16].

Со второй половины XIX в. исследования белорусских народных песен в своих работах начинают помещать российские учёные. Так, А. В. Терещенко в своём сборнике «Быт русского народа» (Санкт-Петербург, 1848 г., ч. 2) размещает без анализа незначительное количество белорусских народных свадебных песен первой половины XIX в. [17, с. 460—472].

Анализ белорусских народных песен осуществляет и А. Н. Пыпин. В частности, исследователь акцентирует внимание на песнях, которые представлены Я. Чечотом в его сборниках «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny», а также белорусских народных песенных произведениях, собранных Р. Зенкевичем в сборнике «Piosenki gminne ludu Pińskiego» (Kowno, 1851. XVII, 414 с.) и Е. Тышкевичем в книге «Opisanie powiatu Borysowskiego» [18, с. 211—252]. Исследовать белорусские народные песни рассматриваемого периода он продолжает в четвёртом томе своей работы по «Истории русской этнографии» [19]. Проанализировав песенные сборники Я. Чечота «Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach» (Wilno, 1837 г.), «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny» (Wilno, 1839 г.), «Piosnki wieśniacze z nad Niemna. Książeczka trzecia» (Wilno, 1840 г.), «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotnych w mowie sławiano-krewickiej» (Wilno, 1844 г.), «Piosnki wieśniacze z nad Niemana, Dniepra i Dniestra» (Wilno, 1845 г.), «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi» (Wilno, 1846 г.), российский учёный приходит к выводу, что Я. Чечот в них собрал «не подлинные белорусские произведения, а их польские переводы и “подражания”». Проанализировав творчество Я. Чечота, он подчёркивает, что в формировании взглядов Я. Чечота большую роль сыграл Виленский университет, и именно в нём ему привили желание поближе познакомиться с народом, который хотя и не был польским, но по старой памяти считался именно таковым. Сам же А. Н. Пыпин убеждён, что народ, которому Я. Чечот посвящает свои изучения, «что ни на есть самый русский» [20, с. 67—71].

Некоторые исследования белорусских народных песен изучаемого периода осуществляют и белорусские учёные. Так, А. Киркор ограничивается упоминанием о широком распространении белорусских народных песен, затрагивающих жизненные циклы человека [21] и даёт первое упоминание об опере С. Монюшко, написанной по мотивам белорусских народных песен для пьесы в двух актах «Селянка» В. Дунина-Марцинкевича [22].

В свою очередь Е. Ф. Карский приводит несколько примеров белорусских народных песен при праздновании народных праздников «Купало», «Радовницы», «Русалки», а также указывает статью И. Шидловского «Obrzędy weselne ludu wiejskiego w gubernii Mińskiej, w powiecie Borysowskim w parafii Hajeńskiej obserwowane w latach (1800 г.) 1-szym i 2-gim z niektórymi piosnkami i ich zwyczajaną notą», помещённую в «Tygodnik Wileński» (1819 г., т. VII, с. 1—8, 81—104), содержащую примеры народных белорусских песен [23]. Однако на первый план учёный ставит два сборника Я. Чечота «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny» (Wilno, 1844 г.) и «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nia uczynionemi» (Wilno, 1846 г.), которые, по его мнению, содержат подлинные, не в польском переводе, белорусские народные песни. Кроме того, не менее значимой он считает книгу Е. Тышкевича «Opisanie powiatu Borysowskiego», которая впоследствии была использована в качестве первоисточника белорусского песенного материала И. И. Носовичем, А. К. Киркором, У. Ф. Крачковским и П. В. Шейном [24].

В первом томе своего многотомного издания «Белорусы» Е. Ф. Карский, в отличие от А. Н. Пыпина, указывает точное количество подлинных белорусских песен, помещённых Я. Чечотом в его сборниках. Так, в первом сборнике Я. Чечота «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny» (Wilno, 1844 г.), учёный считает, что вначале идут польские переводы белорусских песен (с. 1—47), а потом даются «pierwotne piosenki wieśniacze z nad Niemna» уже на белорусском языке (всего двадцать песен). Во втором сборнике «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nia uczynionemi» (Wilno, 1846 г.) содержится сто песен на белорусском языке, а также ноты и песни белорусского композитора А. Абрамовича «Kukawała ziaziulka», «Żyu, byu, nielubiła», «Oj ty maja harerelica», «Da szymze twaja dzieweńka» из его издания «Kilka melody ludu białoruskiego, spisanych i ułożonych z towarzyszeniem fortepiano przez Antoniego Abramowicza» [25]. Упомянул он и о популярности оперы С. Монюшко на пьесе В. Дунина-Марцинкевича «Селянка» [26].

В начале XX в. о популярности двухактной оперы С. Монюшко к пьесе «Селянка» указали в своих небольших исследованиях Д. Дорошенко [27], В. Ю. Ластовский [28] и М. А. Богданович [29]. Однако, по причине становления белорусской науки и отсутствия целенаправленных детализированных исследований творчества С. Монюшко, исследователи досоветского периода ошибочно относят творчество С. Монюшко к польской культуре, а его самого считают польским композитором. При этом они игнорируют то, что сам С. Монюшко, был уроженцем Беларуси, по национальности — белорус, а своё творчество основывал на белорусском народном песенном материале и фольклоре. Данная тенденция будет впоследствии подхвачена и активно культивироваться в исследованиях марксистских учёных и получит опровержение лишь в постсоветской историографии.

Заключение. Польскими, российскими, белорусскими и украинскими дворянско-клерикальными и буржуазными учёными проведены первые исследования о развитии театра и музыки Беларуси рассматриваемого периода. Именно в исследованиях этих учёных собран значительный фактический материал и впервые выдвинуты идеи, о том, что в исследуемый период белорусский народ развивал свой театр и музыку, как и всю культуру Беларуси, своим самобытным и уникальным путём.

Список цитируемых источников

1. Чарновская М. Остатки славянской мифологии, сохранившиеся у Белорусских поселян // Северный архив. СПб., 1822. Ч. 4. С. 463—473.
2. Rypiński A. Białoruś: kilka słow o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż : Wksięgotłocznia J. Marylskiego, 1840. 232 s.
3. Карский Е. Ф. Разбор этнографического труда П. В. Шейна: материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1899. — 89 с.
4. Там же. С. 5.

5. Там же. С. 6—7.
6. Там же. С. 7.
7. Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903. Вып. 7. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. X, 466 с.
8. Бессонов П. А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М. : Тип. Бахметева, 1871. [2], LXXXI, II, Вып. 1. Песни обрядовые. 176 с.
9. Пыпин А. Н. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. Кн. 5. С. 229 ; Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : Литовское и Белорусское Полесье / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб. ; М. : Тип. тов-ва М. О. Вольф, 1882. С. 327.
10. Дорошенко Д. Білорусі і їх національне відродження. Київ : Укр. учитель, 1908. 32 с.
11. Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі : з 40 рыс. Вільня : Друкарня М. Кухты, 1910. IV, 104 с.
12. Богданович М. А. Белорусское возрождение. М. : Укр. жизнь, 1916. 24 с.
13. Янчук Н. А. Несколько слов о новейшей белорусской литературе. М., 1912. С. 81—91.
14. Восеньскія і талочныя песні / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; пад рэд. А. С. Фядосіка. Мінск : Навука і тэхніка, 1981. С. 6—7 ; Даленга-Хадакоўскі З. Выбранае / уклад., прадм., пер. з польскамоўных тэкстаў Л. Малаш ; камент.: Л. Малаш, К. Цвірка. Мінск : Кнігазбор, 2007. С. 309—358 ; Рупі́нскі А. Białoruś: kilka słow o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż : Wksięgotłocznі J. Marylskiego, 1840. 232 s. ; Tyshkevich E. Opisanie Powiaty Borysowskiego podwzględem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim: z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zababonach i t. d. Wilno, 1847. 486 s.
15. Czeczot J.: 1) Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1837. VIII, 111 c.; 2) Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1839. 125 c.; 3) Piosnki wieśniacze z nad Niemna. Książeczka trzecia. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1840. XII, 95 c.; 4) Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotnych w mowie sławiano-krewickiej. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1844. XVIII, 137 c.; 5) Piosnki wieśniacze z nad Niemana, Dniepra i Dniestra. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1845. XII, 108 c.; 6) Piosnki wieśniacze nad Niemnai Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1846. XXXIV, 134 c.
16. Zienkiewicz R.: 1) Piesni ludu zebrinew Pinszczyznie // Athenaum, poemszobiorowe. Wilno, 1847. Ч. IV. С. 146—186 ; 2) Piosenki gminne ludu Pińskiego : zbierali przekladal Romuald Zienkiewicz. Kowno, 1851. XVII, 414 c.
17. Терещенко А. В. Быт русского народа / соч. А. В. Терещенко. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1848. Ч. 2 : Свадьбы. 621 с.
18. Пыпин А. Н. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. Кн. 5. С. 211—252.
19. Czeczot J. Piosnki wieśniacze nad Niemnai Dźwiny. С. 67—95.
20. Пыпин А. Н. История русской этнографии : в 4 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. XI. Т. 4 : Белоруссия и Сибирь. 488 с.
21. Живописная Россия. С. 281, 283.
22. Там же. С. 327.
23. Карский Е. Ф. Разбор этнографического труда П. В. Шейна.
24. Там же. С. 5.
25. Карский Е. Ф. Белорусы. С. 214, 216.
26. Там же. С. 438.
27. Дорошенко Д. Білорусі і їх національне відродження. С. 16.
28. Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. С. 102.
29. Богданович М. А. Белорусское возрождение. С. 10.

УДК 27(043.3)+008(043.3)

Р. Ю. Соловьёв

настоятель храма-памятника св. великомученика Георгия Победоносца, Благодинный Лидского церковного округа Лидской епархии Белорусской православной церкви, Лида

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТУРГИЯ XVI — XVII ВЕКОВ: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

Введение. Основная задача и цель данной статьи — на основании впервые исследованных и малоизвестных широкому кругу читателей источников проследить некоторые вехи противоречивой трансформации православного богослужения в период известной церковной унии, когда самоидентификации белорусского общества был брошен решающий вызов. Источник исследования — богослужебная книга под названием «Служебник» (в белорусских изданиях конца XVI—XVII в.), которую можно считать важнейшей в своём репертуаре (содержит тексты главного христианского богослужения — Божественной литургии).

Заявленная тема требует, разумеется, написания большой работы. Тем не менее, в качестве введения в тему, считаю необходимым представить интересные факты из истории формирования белорусского литургийного формуляра XVI—XVII вв. Будут затронуты лишь характерные элементы литургии, отличные от современных, — наиболее показательные с точки зрения литургического богословия и религиозно-политической ситуации.

Основная часть.

Подготовительная часть Литургии

Входные молитвы. В первом белорусском Служебнике (Вильно, типография Мамоничей, 1583 г.) года этот «чин входа» в храм значительно отличается от современного как по структуре, так и по содержанию входящих в него молитв.

В настоящее время входные молитвы читаются священнослужителями уже в самом храме перед Царскими вратами. Клирики читают их без облачения, «но в скуфье или камилавке, стоя с покрытой головой», — до тропаря «Пречистому Твоему образу». Получается, что в современной практике реально речь идет не о входе в храм, а о входе в алтарь.